

МИСТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

МАРИ РАЙЛИ

Мари Райли

Мистические хроники

«Автор»

2026

Райли М.

Мистические хроники / М. Райли — «Автор», 2026

Журналистка Каталина Гринбруст переживает не лучшие времена: потеря работы, долги и чувство собственной никчёмности толкают её на отчаянный шаг. Она берётся за расследование, которое семь лет назад стоило жизни её предшественнице, и отправляется в закрытый горнолыжный отель «Грэнд Скай». С первого дня Каталина сталкивается с пугающей реальностью: отель живёт своей жизнью. Здесь не стареют, не уходят и не забывают. Здесь каждые семь лет в декабре находят тело очередного постояльца. И она занимает тот самый номер.

© Райли М., 2026

© Автор, 2026

Мари Райли

Мистические хроники

Глава I.

Каталина в то судьбоносное утро проснулась под дикий захлебывающийся рвотный позыв Люцифера – черного кота, который когда-то перешел ей дорогу, а в последствии стал домашним питомцем. Дряблые кости едва передвигали его от миски с кормом к миске с водой, а уставший от долгих лет желудок с превеликой радостью выплевывал все обратно, как только представлялся случай. С мученическим стоном от подушки отделилось что-то кудрявое и светлое, смахивающее на прическу, которую девочки в народе называют «взрыв на макаронной фабрике». Вот только Каталине не повезло больше всех остальных – такой она родилась. Бесвязно помахав руками, Каталина стряхнула на пол с журнального столика газету, открытую на страницах объявлений, где неровными, тонкими, а местами нервно-жирными кружками были обведены колонки. По пути в ванную девушка – «двадцатитрехлетняя старперщица», – подумал бы Люцифер, – поскользнулась на утреннем подарке кота, громко вскрикнула и едва лишь удержалась за косяки, до боли скребанув ногтями по крашенному дереву.

Наверное, именно в этот момент Каталина Гринбруст окончательно проснулась. Она попыталась что-нибудь сделать с выбивающимися в разные стороны кудрями, но они торчали с таким упрямством, что девушка просто сдалась, почистила зубы, смыла вчерашнюю косметику и чуть затуманенными синими глазами повела в сторону кота – тот восседал на краю ванны и смотрел на хозяйку с таким осуждением, что можно было подумать, будто ее, как минимум, обвиняют в убийстве младенца.

– Что смотришь? – шикнула Каталина, чуть подавшись туловищем в сторону кота – тот и усом не повел: продолжил сидеть в своем бесконечном величии. – Жрать нечего, – сердито буркнула блондинка и, на ходу подтягивая пижамные шорты, шаркая голой и измазанной в кошачьей рвоте подошвой по полу, поплелась назад в комнату, где снова бухнулась на диван, спрятав лицо в подушку.

Будто кот виноват, что она уже второй месяц не может найти стабильную работу.

На сегодня было назначено собеседование. Это, конечно, не такой ходовой журнал, в котором до этого стажировалась Каталина, но в ее душе уже глубоко поселилось отчаяние, поэтому она хваталась за любую соломинку в надежде, что именно она окажется спасительной.

Во второй раз девушку разбудил вовсе не Люцифер, а телефонная трель. Каталина поморщилась, уселась на диване и где-то в складках между пуфами нащупала мобильник, на экране которого значилось «Поппи».

– Да, любимая сестрѐнка, – нарочито весело отозвалась Каталина, но фоновые звуки детского писка и смеха заставили ее глаза зажмуриться в болезненной гримасе – вчера был очередной вечер, когда Гринбруст отмечала свое ничтожество и путь на дно социальной лестницы.

– Ты не проспала? – голос Поппи был чуть глуховат, и Каталина сделала вывод, что телефон сестра прижимает к плечу головой, одной рукой доготовливая обед, а второй – пытается усмирить пятилетних двойняшек Ника и Люси, дабы не стать свидетельницей домашней поножовщины.

– Я уже почти готова, – все с той же улыбкой оповестила Каталина (будто от того, что она давит из себя эту несвойственную ей мину, Поппи поверит гораздо охотнее). В этот момент, кажется, Ник вцепился в волосы Люси, Каталина услышала, как телефонная трубка полетела на пол и с выдохом облегчения нажала на красную кнопку, прерывая разговор.

Вокруг дивана валялись пустые полулитровые бутылки пива. В тот момент Каталина поклялась сама себе, что мама никогда не узнает, что она напилась одна. На столе, где до этого покоилась газета с объявлениями, в одиночестве коротала время пустая коробка из-под пиццы

с курицей и ананасами. Хмуро взирая на учиненный ею же беспорядок, Каталина глянула на часы и решила, что на уборку времени нет: до собеседования не более двух часов. Она поплевалась к вещевому шкафу и достала черную юбку – достаточно короткую, если главным редактором журнала для домохозяек окажется мужчина и довольно приличной длины, если ее встретит сухая всем недовольная старуха. Зеленая блузка с полупрозрачными рукавами завершила композицию примерной и старательной работницы сферы журналистики. Если все получится удачно, за вечерним столом, который собирает Поппи по случаю дня рождения Дерека – своего мужа – Каталина будет в центре внимания. Если не получится, что ж, ей и тогда не избежать этой участи.

Перед зеркалом девушка провозилась недолго – подвела брови, которые давно пора было повыщипывать, покрасила ресницы и освежила блеском сухие и искусанные губы. С волосами все еще была беда. Она sprysнула их водой и повязала сверху тонкий шарф в виде капюшона, надеясь, что таким образом копне кудрей удастся придать форму. Бежевое пальто, черные высокие зашнурованные сапоги, и Каталина, от всей души пообещав Люциусу вернуться с кормом, покинула свою квартиру.

Проживала Каталина не в самом благоприятном районе города, до метро здесь было все сорок минут пешком, а до центра и вовсе не рукой подать. Конец ноября же пробирал до костей. Подпрыгивая с ноги на ногу и прижимая к груди заledenелую ладонь с крепко зажатой в ней сумочкой, она молила лишь о том, чтобы этот мерзкий дождь прекратил так лениво падать с затянутого серостью неба и дал хоть чуть-чуть времени для теплого солнца.

Такси Каталина поймала лишь спустя пять минут.

– Третье авеню, – дрожащими губами сказала она. – 394, – и уже более уверенно повторила: – Третье авеню, 394.

Дорога заняла много времени – на это, в принципе, Каталина и рассчитывала. В пути она нервно теребила подол пальто и свистящем шепотом, неслышным за шумом стремительно бегущей магистрали, репетировала свою речь.

«Здравствуйте, меня зовут Каталина Гринбруст, мне двадцать три. Я уже отправляла резюме вашему секретарю, но меня несколько не затруднит повторить все изложенное на бумаге и ответить на интересующие вопросы. Я окончила Стэнфордский университет по программе журналистики, два месяца стажировалась в «Мэри Клэйр», по личным обстоятельствам пришлось пересмотреть возможность работать там».

На одном дыхании. И удар ниже пояса. Если бы не тот вечер, произошедший два месяца назад, Каталина, возможно, числилась бы в журналистском штате самого «Мэри Клэйр»!

«Ты же знаешь, что у нас серьезная организация, – так и услышала она этот голос, хотя прошло уже столько времени – по телу пробежал холодный ток. – Ты взрослая девочка и должна понимать, что для того, чтобы что-то сделали для тебя, нужно что-то дать в ответ».

Звук расстегивающейся ширинки.

Каталина чуть тряхнула головой, выметая из головы причину, по которой, возможно, вся ее жизнь пошла в сторону бесконечной и ухабистой наклонной.

Ее принципиальность и моральные нормы в тот вечер ни разу не сыграли на руку. И от того было жить сложнее: просыпаться каждое утро с мыслью «а что, если бы я...».

По прибытию, Каталина отдала водителю шесть долларов, вышла из автомобиля и, если можно выразить этим словом её состояние, обомлела.

Она ожидала увидеть двухэтажное здание с высокими окнами, пусть и чуть потрескавшимися, с небольшим крылечком и широкими входными дверьми. Вместо этого – бетонная стена и железная дверь. Разочарование – какое по счету за два месяца? – обрушилось на девушку тяжелой и вязкой волной. Но назад пути не было – Каталина убедилась в этом для себя, огля-

нувшись и проводив взглядом отъезжающее такси. В этой части улицы было глухо, и все звуки автомобилей доносились откуда-то со стороны.

Каталина прозвенела каблуками по корявой брусчатке и потянула за холодную ручку на себя массивную дверь. Внутри оказалось все чуть веселее, чем снаружи. Попав в фойе, Каталина тут же смогла увидеть несколько дверей, уходящих в стороны. Возле каждой из них висела своя табличка. По правую сторону от того места, где замерла Каталина, оказалась стойка регистрации, за которой, накручивая на палец ядовито-рыжую прядь волос, сидела женщина. Каталина откашлялась. Женщина продолжала сверлить ее взглядом. Казалось, все это могло длиться бесконечно, если бы блондинка всё-таки не расхрабрилась и не открыла рот:

– Добрый день, я...

– Вы нам не подходите, – с каким-то чавкающим звуком объявила рыжеволосая. Кажется, ее рот был полон жвачки.

– Простите, что?

Каталина почувствовала растерянность. Она медленно опустила глаза с незнакомки на носки своих испачканных в пыли сапог, подняла обратно.

– Но ведь я...

– Я знаю, кто вы, – рыжеволосая махнула рукой и откинулась на спинку своего стула. – И я знаю, зачем вы пришли. И, чтобы не тратить время ни мое, ни миссис Дженнингс, говорю прямо и честно: вы нам не подходите.

– Но почему вы пришли к такому выводу? – нахмурилась Каталина и переступила с ноги на ногу. Пальцы, сжимающие ручку сумочки, начали параллельно тереть пальто.

– Ваши параметры, – девушка пронизывающим взглядом просканировала Каталину с ног до головы. – И... снимите платок.

Каталина, как послушная кукла, скинула с головы платок и увидела, какой насмешливый взгляд появился на лице регистратора.

– Деточка, да с твоими данными я бы из комнаты носа не показывала, – женщина расмеялась преувеличенно громко.

– Я считала, что иду на собеседование в журнал для домохозяек, а не на кастинг моделей, – чуть похрабrevшим, но ещё дрожащим голосом заявила Каталина.

– Зря считала.

На этом их разговор был закончен.

И ведь, покидая обшарпанный порог своей последней надежды на работу, Каталина Гринбруст и не догадывалась, насколько злопамятным может оказаться ее прошлый начальник. И, бедная девочка, она даже не знала, что с того вечера, когда она отказалась раздвинуть ноги перед толстым уродом, двери во все издательства Нью-Йорка оказались для нее закрыты.

Поднялся пронизывающий осенний ветер, бросая в лицо Каталины выбившиеся из-за платка кудрявые пряди волос. Девушка медленно шагала вдоль дороги, бессознательно отдаляясь от оживленных улиц и углубляясь в заброшенные, покореженные, забытые. Дождь продолжался. Не ливневым потоком, а абсолютно ленивыми каплями ложась поверх бежевого пальто Каталины. Она не знала, куда тащат ее ноги – в голове на повторе звучали слова той рыжеволосой мерзавки.

– Но ведь я не толстая, – прошептала сама себе Каталина и шмыгнула носом, со злобой утирая первую набежавшую слезу. – Ростом и волосами не вышла? Seriously?

Эмоции поднялись со дна, нахлынули, как гигантская волна, сметая все на своем пути, и Каталина, поддаваясь им полностью и без остатка, пнула какую-то жестяную банку, которая в давящей тишине, как пушечный выстрел, спугнула всех облезлых котов за ближайшими мусорками. Примерно на такой мусорке и нашелся Люцифер. Тогда он был лишайным и блохастым, и Каталине понадобилось много времени, что превратить его в что-то отдаленно похожее на домашнего кота. С тех пор ее хоть кто-то ждал дома.

Один из испуганных котов, черный как ночь, пробежал прямо под ногами Каталины, та запнулась о него, тихо вскрикнула и, попытавшись удержаться на ногах, схватилась за ручку ближайшей двери, на которой желтел лист бумаги. Все еще затуманенными от слез глазами девушка проводила своего обидчика, который скрылся за очередной грудой мусорных контейнеров, затем перевела взгляд на листовку. Обычный лист А4, уже отсыревший от времени и кем-то обглоданный по краям.

«ТРЕБУЕТСЯ СОТРУДНИК».

Каталина вытерла лицо тыльной стороной ладони, шагнула чуть назад, чтобы получше разглядеть здание, но не увидела ничего – сплошные облезлые белые с желтыми разводами стены и эта деревянная дверь с объявлением. Никаких вывесок, которые могли бы свидетельствовать, что это за место.

Но Каталина была в таком отчаянии, что сложно представить. Несмотря на это, она дала себе пару минут на раздумья. Бегая по городу, как сумасшедшая, в поисках свободной вакансии редактора, она и не подумывала о других работах. Для нее стояла одна цель, и Гринбруст упорно к ней шагала. Тем более, – тут Каталина грустно усмехнулась, – если она пойдет работать не по своей специальности, мать ее убьет.

Но выхода нет. Родители совершенно нехотя платили эти месяцы за аренду ее квартиры, да и сам этот факт тяготил Каталину. Она коротко вздохнула, так и не набрав полные легкие воздуха, и потянула на себя дверь.

– Эй! – голос Каталины эхом разнесся по широкому сумеречному фойе, весело звякнув в высоких куполообразных потолках. – Здесь кто-нибудь есть?

Девушка постаралась шагнуть аккуратно, но получилось это не так уж и тихо – удар каблука, как молотом по наковальне. Дверь с объявлением вела в просторное круглое и очень высокое помещение. Оно было абсолютно пустым, не считая каких-то вырезок и плакатов на одной из дощатых стен, от которой и начиналась лестница, витиевато уходя наверх, где – Каталина запрокинула голову – в пыльной завесе ютились, прижимаясь боком друг к другу, десятки стеллажей с папками. Фойе было погружено в мрачное уныние. И тут, как черт из табакерки, на втором этаже, перегнувшись через перила, показалось широкое смуглое лицо с темными глазами, вниз свисали зеленые дреды.

– Тебе чего? – шикнул парень.

– Я увидела объявление, – Каталина твердо решила показать себя с уверенной стороны. – Объявление на двери, – она махнула рукой себе за спину и сделала несколько шагов вперед.

– Какое объявление? – все тем же шипящим шепотом спросил парень. – Нет там никакого объявления.

Он, быстро перебирая толстыми ногами, спустился по лестнице вниз, вразвалку прошагал мимо Каталины – бесшумно, как мышь, – и выглянул на улицу, осмотрел дверь. Недоумение на его лице сменилось злостью.

Но Каталина этого не заметила. Не услышала она и сердитого ворчания, что нет никаких объявлений, а она голову морочит только. Из ее груди вырвался восторженный выдох. Наконец-то, пройдя чуть вперед, Каталина смогла разглядеть невзрачные в редких солнечных лучах из-за зашторенных окон плакаты и вывески.

Ладони сами зажали ей рот, и девушка круто обернулась к парню, широко распахнув глаза.

– Это, – голос ее от волнения сипло сорвался и превратился в хрип, поэтому Каталина повторила: – Это... Это редакция «Мистических хроник»?

Как бы она не старалась, на последних словах тон ее скользнул все выше, превратившись в едва слышимый писк. Волнение овладело ее совсем недавно раздавленной душой. Каталина не сводила глаз с парня так, как если бы увидела Санта-Клауса и спросила, настоящий ли он.

Парень долго молчал. Он был большим, угрюмым, но никакого страха не вызывал. Даже редкие зеленые дреды, которые придавали ему сходство с самой медузой Горгоной, не могли сейчас заставить Каталину пошевелиться или успокоиться.

– Ну, да, – нехотя ответил парень и, увидев, как засияла незнакомка, поспешно добавил: – Бывшая редакция.

Это Каталина знала и без него. «Мистические хроники» – журнал, выходивший ежемесячно на протяжении десятилетия, вдруг прекратил свое существование семь лет назад. Он был читаем, он был узнаваем, ведь на его страницах смешивались и мистика, и ужасы, и даже какие-то комедийные моменты. Особенно большую популярность журнал начал набирать, когда после каждого – пяти, восьми или двадцати страничного – рассказа значилось “основано на реальных событиях”. Каталина никогда не была исключением среди своих сверстников и зачитывалась им в свои подростковые года.

– Боже мой, – прошептала она, наконец-то попыталась взять себя в руки, тряхнула головой и, пройдя пару метров вперед, протянула парню ладонь. – Каталина.

Ее ладонь дрожала.

– Отис, – ответил парень. – Приятно, конечно, познакомиться, но это не отменяет того факта, что ты здесь незваный гость.

– Подожди, подожди, – Каталина замахала руками, зажмурилась, платок слетел с ее головы, и намокшие от дождя волосы еще больше распушились. – Я... ведь никто не имел представления, где находится редакция «Мистических хроник». Столько людей пытались ее отыскать, я читала об этом в блогах. Отис, – она вдруг прямо посмотрела на парня, – я – журналистка. У меня есть диплом, множество курсов, – девушка начала рыться в сумочке, продолжая бормотать. – Вдруг мне повезет здесь.

– Притормози, – Отис положил свою большую темную ладонь поверх сумочки Каталины, и та удивленно на него посмотрела своими синими, чистыми глазами. – Хроники не печатаются. Ты должна это знать, раз такая любительница его.

– Знаю, семь лет, – проговорила Каталина.

– Хроников больше нет, – Отис развел руками, создавая иллюзию маленького взрыва. – Лавочка закрыта. Выметайся.

– Но, – вид у Каталины был такой, будто ее размазали по стене, и она попыталась ухватиться за последний шанс. – Что тогда здесь делаешь ты?

– Работаю.

– Вот!

– Это не то, о чем ты думаешь, – остановил Каталину Отис. – Я архивирую выпуски, а после этого тоже ухожу на свой покой от этого журнала.

– Почему они перестали печататься?

В голосе девушки Отис услышал столько отчаяния и горя, что ему невольно стало ее жаль. Создавалось ощущение, что еще чуть-чуть, и та разревется, как маленький ребенок.

– Это не ко мне вопрос, кудряшка.

– А к кому?

– Ко мне, – донесся сверху голос, и Каталина, вскинув голову вновь, увидела на втором этаже на фоне великанов-стеллажей лысеющего старика в парадном костюме. И узнала его сразу, пусть и прошло целых семь лет с момента, когда она в последний раз видела его фотографию на задней стороне обложки журнала. Это был создатель, главный директор, мистер Фитцджеральд. Он заметно постарел, лицо его осунулось, щеки впали, стали ярче видны контуры черепа.

– Но даже я не отвечу на ваш вопрос, – грубо продолжил мистер Фитцджеральд, поглядывая на девушку свысока. – Потому что не собираюсь отчитываться перед писакой-самоучкой. Отис, выведи ее. И продолжай работать. Я не за болтовню плачу тебе эти несчастные гроши.

Каталина онемела. В четырнадцать ей удалось побывать на пресс-конференции с мистером Фитцджеральдом. Тогда он был молодым, весёлым, полным сил и очень привлекательным. По крайней мере, ей так казалось. Сейчас же, в полутьме здания редакции, Каталина увидела скелет в костюме. Озлобленный и очень сердитый скелет. Поддавшись шоку с примесью удивления, Каталина даже позволила Отису вывести себя на улицу. Оказавшись снаружи, она бездумно пялились на закрытую дверь, где, как и выяснил Отис, не было никаких объявлений. Но этот факт сейчас мало волновал блондинку. В это время парень толстыми, как сардельки, пальцами постарался укутать голову Каталины в платок, наблюдая, как по ее щекам, порозовевшим от холода и, наверное, унижения, бегут крошечные слезы наперегонки с мелкими каплями дождя.

Отис колебался. Долго. И все это сражение можно было прочесть на его лице. В конце концов, одна из сторон победила, и парень, оглянувшись на закрытую дверь бывшей редакции, положил ладони на плечи Каталины и сказал:

– Слушай. Давай встретимся. Через час, в кафе на углу улицы. Мне нужно будет с тобой поговорить.

Лицо девушки перед его взором чуть посветлело, но пелена грусти так и не смогла слететь. Каталина кивнула, развернулась на носках сапог, наступила в мелкую лужу и зашагала прочь.

Она поняла про какое кафе говорил Отис – то, что находилось рядом с мусорными контейнерами. Наверное, сюда и вела задняя дверь кафешки. Войдя внутрь и оповестив об этом всех позвякиванием колокольчика, Каталина увидела, что это кафе явно не пользуется популярностью. За одним из столов сидел мужчина, обросший и грязный, и жевал сэндвич. Перед ним стояла чашка чая. Больше посетителей не наблюдалось. Каталина прошла к столику у окна, дождалась официанта и заказала себе шоколадный чизкейк и капучино. Несмотря на насыщенные на события часы, время едва приблизилось к пяти, а в желудке Каталины не было ни крошки со вчерашнего вечера.

Так она и коротала этот час: медленно отправляла в рот один кусочек чизкейка за другим, лениво попивая напиток, и бездумно смотрела в окно на усилившийся дождь, бегущие по асфальту ручьи и редких спешащих куда-либо серых людей.

«Мистические хроники». Когда-то только самый ленивый или отсталый не скупал ежемесячно новый выпуск этого журнала. В нем собирались истории со всей страны, в которых так или иначе были задействованы сверхъестественные силы. И ведь верили, да, верили и дети, и взрослые, что все это написано, основываясь на настоящих происшествиях. По крайней мере, у Каталины никогда не возникало и сомнения в этом. Именно благодаря этому журналу девушка решила, что хочет посвятить свою жизнь журналистике, хочет освещать события, доносить их людям. Хочет быть полезной для общества. Но жизнь так круто поворачивалась, что сейчас Гринбруст была на грани потери жилья с перспективой дальнейшей жизнью со своей семьей. От одной этой мысли Каталину перетряхнуло, и она очнулась. Нет. Не бывать этому.

Вскоре показался Отис. Кутаясь в гигантскую коричневую кожаную куртку, он поднял голову, улыбнулся и помахал своей темной рукой в окно, за которым сидела девушка.

– Брр, – по-собачьи встряхнулся парень, оказавшись в кафе у столика. Несколько капель холодного дождя попали и на Каталину.

– Погода – атас, – продолжал говорить Отис. А Каталина только сейчас заметила, что у него особенный какой-то говор, свой тон. Он растягивал гласные, но принципиально только во втором слоге. Когда ему приходилось говорить длинное предложение, челюсть раскрывалась слишком широко, и Каталина с улыбкой отчего-то вспомнила, как в детском саду ей сказали: «а вы знали, что крокодил – единственное животное, у которого поднимается верхняя челюсть».

– Чай с лимоном, – бросил Отис в сторону подошедшего официанта и, поудобнее усявшись, все внимание направил на Каталину. – Ну, давай сначала, кудряшка. Что тебя интересует?

Каталина пропустила мимо ушей внезапно возникшее и не совсем понравившееся ее прозвище и посмотрела прямо в темные глаза парня.

– Почему хроники перестали выпускаться?

Губы Отиса изогнула какая-то грустная усмешка. Он достал из-под футболки тонкую папку и положил перед Каталиной.

– Из-за этого, – спокойно оповестил Отис.

– Что это?

Каталина осторожно подвинула к себе папку, убирая в сторону остатки чизкейка, открыла ее. На первой же странице располагалась вклеенная фотография большого четырехэтажного здания в стиле барокко. Оно было пышным, ярким, как свадебный торт. Следом шли какие-то три фотоснимка неизвестных людей. На следующей странице были вырезки из газет. «Внезапная смерть», – прочитала про себя Каталина заголовок и взглянула на дату. 28 лет назад. Перевернула. «Остановка сердца в шестнадцать лет». 21 год назад. Непонимающе Каталина подняла глаза на Отиса.

– Это, – парень махнул рукой в сторону папки, – последнее дело, над которым работал наш журнал. Вела его дочь мистера Фитцджеральда. Отель-убийца, – Отис повел руками в воздухе, словно создавая невидимый баннер с названием и тихо рассмеялся, – именно так хотела назвать историю Амелия.

– Но этого выпуска не было, – тихо проговорила Каталина, прикрывая папку. Она точно это помнила, потому что собирала свою коллекцию журналов, и последний из них был о заповеднике на севере страны, где бесследно пропадали люди, а потом их находили обескровленными чуть ли не под Новым Орлеаном.

– Верно, – кивнул Отис и откинулся на спинку стула, с каким-то странным интересом разглядывая свою собеседницу. – Амелия не вернулась из «Грэнд Скай». Она стала его четвертой жертвой. Послушай, – Отис начал говорить тише, чтобы услышать могла его только Каталина, – мне кажется, в тебе что-то есть. Что-то, как бы странно не звучало, от Амелии. Старик Фитцджеральд совсем ослаб. Его нужно вернуть к жизни, – Отис воодушевленно стукнул ладонью по столу. – Но это случится лишь в том случае, если вернуть к жизни хроники. Если тебе нечего терять, – Отис пожал плечами, – и если ты хочешь, как и я, всем сердцем, чтобы «Мистические хроники» вновь попали на полки ларьков и магазинов, я оставлю тебе это, – он кивнул на папку. – Ты сама разберешься, что с этим делать.

– Но... я же просто искала работу.

– Кто знает, – усмехнулся Отис, поднимаясь на ноги и накидывая куртку. – Может, совсем скоро ты сможешь работать в самом издаваемом журнале прошлых десятилетий?

Когда Отис уходил, Каталина невольно сжала обложку папки своими пальцами, а спустя мгновение до её слуха донёлся далёкий смешок и голос парня:

– Надо же. Объявление. Ну, надо же.

Глава II.

Помимо наистраннейших событий того дня, перед Каталиной стояла ещё одна задача. Наверное, она была даже самой сложной: пережить семейный ужин. С одной стороны, девушке хотелось до скрежета ногтей по лакированной столешнице скорее открыть папку и изучить материал, который – о, Боги! – должен был быть выпущен в очередном издании «Мистических хроник». Это как держать перед изголодавшимся человеком коробку печенья и не сметь ее открыть. Каталина чувствовала, что ожила. У нее появилась цель, пусть и не сулящая какого-нибудь денежного вознаграждения – она просто могла стать частью журнала своей юности. С другой же стороны, вечер был запланирован, и отвертеться не было и возможности.

Вернувшись на свою съёмную квартиру, Каталина аккуратно положила папку, данную ей Отисом, на журнальный столик, сменила тесную юбку и облегающую блузку на джинсы и толстовку с Микки-Маусом, собрала волосы в пучок, больше смахивающий на гигантское воронье гнездо, и, не успев насладиться уютом одинокой жизни, направилась, как ей казалось, на саму плаху.

Дом родителей – Джорджа и Энни – был не большим, но волшебным образом вмещал в себя сейчас ещё и семью старшей дочери. В отличие от Каталины, которую тяготило долгое нахождение в стенах родного дома, Поппи, кажется, этой проблемой не страдала. Она была старше Каталины на полтора года, но к этому возрасту у нее уже было все: любящий, как ей казалось, муж Дерек, который пропадал на работе с утра до позднего вечера, двое очаровательных детей и дом. Пусть родительский – это большой роли для Поппи не играло. В конце концов, как часто она уверяла себя, дом достанется именно ее семье, когда страшное горе заберёт обоих родителей.

Каталина видела свою сестру насквозь. И также четко видела, насколько слепы по отношению к ней папа и мама. Она пыталась открыть им глаза на эгоистичные помыслы Поппи, но любой такой разговор заканчивался скандалом, в результате которого Каталина пулей вылетала из-за дверей, моля злость попридержать рвущиеся наружу слезы.

Но, несмотря на такие моменты, раз в месяц вся семья обязательно собиралась за одним столом. Это было традицией. Это были худшие вечера для Каталины. Тем более, сегодняшняя посиделка была посвящена имениннику, который переступил тридцатилетний порог. Наверное, если бы не важный, как индюк, Дерек, не писклявые и вечно дерущиеся племянники и не высокомерная сестра, все могло бы быть по-другому. Иногда Каталина молилась, чтобы Дерек повлиял на свою жену и убедил ее переехать в отдельный дом. Тогда, девушка была уверена, отношения с родителями начали бы улучшаться в геометрической прогрессии. Вот только Дереку это явно было не выгодно.

И сейчас, стоя на крыльце перед дверью в родительский дом, Каталина потратила, по меньшей мере, пять минут, обдумывая, так ли уж необходимо ее присутствие там, за стеной, увитой заснувшим плющом. Глубокий вдох, дрожащие ресницы и натянутая широкая улыбка – Каталина открыла дверь и вошла внутрь.

– А вот и я, – с напускной радостью объявила девушка и успела учуять запах жареного мяса до того, как с кухни появилась мама в фартуке в зелёный горошек и, расплывшись, в отличие от Каталины, в самой искренней улыбке засеменила навстречу к ней с разведенными в сторону руками.

– Лина, – донесся из гостиной писк, кажется, Люси. – Лина пришла.

Топот двух пар маленьких ног, и, освободившись от объятий матери, Каталина смогла увидеть своих племянников. Оба темноволосые, как Дерек, и голубоглазые, как Поппи, они застыли на пороге гостиной с одинаковыми фальшивыми улыбками. Каталина про себя подметила, что с последней встречи, у них поприбавилось зубов.

– Как же вы похожи на свою маму, – тихо прошептала Каталина, не сводя глаз с двойняшек, пока уголки ее губ медленно опускались все ниже и ниже.

А вот, как говорится, черта помяни. Поппи появилась следом за своими детьми. Она едва ли отличалась от Каталины, и родство в них угадывалось с первого взгляда. Правда, кудри, которые достались сестрам от отца, Поппи ежедневно с пятнадцати лет со свойственным ей упрямством выпрямляла до тех пор, пока не оставалось ни одной завитушки. И на лице уже появилась печать замужней женщины и уставшей матери.

– Привет, – Поппи облокотилась о стену, скрестила руки на груди и едва усмехнулась. Наверное, хотела улыбнуться, но что-то пошло не так.

– Дерек еще на работе? – без особого интереса спросила Каталина, скидывая с себя пальто и отправляя его на вешалку.

– Будет с минуты на минуту, – отозвалась Поппи.

– Как поживаете?

– Не жалуемся. Что на счёт тебя?

– У меня нет мужа, детей, – Каталина развела руками. – Так что я живу, словно в раю.

Ох, каким наслаждением было видеть, как Поппи начинает багроветь от злости.

Каталина помогла матери накрыть на стол, параллельно обмолвись с ней парой слов, чмокнула в седую бороду отца, который сидел в своем излюбленном кресле с развернутой газетой. В ответ он потрепал младшую дочь за щеку.

Дерек пришел спустя тридцать минут, которые все его ждали и не садились за стол. «Новый глава семьи», – с неким даже восхищением объявила миссис Гринбруст. Каталина подавила в себе желание засунуть два пальца в рот и издать неприемлемый звук.

– Каталина, – бархатисто протянул Дерек и развел руки в стороны, как до этого делала миссис Гринбруст, будто надеясь, что сестра его жены сейчас бросится в его объятия. Не дождавшись должного результата, Дерек подошёл к Каталине, приобнял ее за плечи и едва скользнул губами по щеке.

– С днём рождения, Дерек, – проговорила Каталина, вся съежившись, и сделала несколько шагов в сторону от мужчины.

– С днём рождения, папа! – мимо проскакали Ник и Люси наперевес с самодельными и неаккуратными плакатами.

Наконец-то уселись за стол, и Каталина, оказавшись рядом с отцом, почувствовала какое-то облегчение, тут же принявшись есть. В общем-то, Каталина часто ела, когда нервничала. Именно по этой причине в старшей школе она раздулась до тех размеров, что перестала влезать в джинсы ее совсем не стройной мамы. А к выпускному стремительно сбросила двадцать килограммов, заработав большие проблемы с желудком и едой. Но в последнее время дружба с пищей начала по маленьким крупичкам выстраиваться.

Разговаривали о нейтральных темах. Вперемешку с пожеланиями Дереку долгих лет, умных детей и счастливой жизни, то и дело слышалось о незначительных успехах Люси на кружке по рисованию и о Нике, так быстро научившимся читать. Пользуясь тем, что дети ушли играть в детскую, Дерек со слезами на глазах от смеха рассказывал очередную историю, связанную с одним из его чад:

– А пару дней назад, представляете, он нашел сборник анекдотов пикантного содержания, и вечером заявил Поппи, что знает новые слова: «грязная сука» и «шалашовка».

Громкий хохот. Каталина же, ковыряя вилкой несчастную горошину из салата, не видела в этом ничего смешного. Если Поппи, действительно, отдаст в скором времени детей в детский сад, а сама выйдет на работу, вряд ли хоть один воспитатель будет рад такому обширному словарному запасу Ника. Но Каталина молчала, со скучающим видом разглядывая то полупустую тарелку, то кого-нибудь из присутствующих, то свой бокал с шампанским, не забывая делать из него глоток.

– Смотрю на моих малышей, – заявила Энни и улыбнулась, – и не могу нарадоваться. Такие умнички растут. Наверное, складом ума они пошли всё-таки в тебя, Поппи, – повернула голову миссис Гринбруст в сторону старшей дочери. – Ведь знаете, Поппи всегда была умнее. И в школе училась лучше Лины, и в дальнейшем, кхм, жизнь по-другому сложилась.

Каталина переметнула взгляд с салфетницы на мать так стремительно, будто та ее ужалила. Если незапланированная беременность в восемнадцатилетнем возрасте считается пиком счастья, то, да, Каталина где-то что-то сделала не так. На языке уже начали вертеться слова, подогреваемые количеством выпитого шампанского, но с превеликим самообладанием девушка промолчала и лишь растянула губы в ядовитой улыбке.

– Пойду проведаю Ника и Люси, – Каталина залпом осушила свой бокал под осуждающими взглядами матери и Поппи, встала из-за стола и направилась к лестнице.

– А, помнишь, Джордж, как на школьном смотре талантов Поппи заняла второе место, – донесся вдогонку голос мамы. – Лина, кажется, не взяла и десятого.

На втором этаже звучал детский смех. Доносился он из самой дальней комнаты, которая когда-то была гардеробной, а пять лет назад превратилась в детскую для двух спиногрызов. Из детской в коридор падал столб света. Но Каталина соврала на счёт своих намерений, направилась она в комнату, что была у самой лестнице. Ее комнату.

Несмотря на то, что Каталина уже долгое время не жила с родителями, те не спешили делать какую-то перестановку или ремонт. Но, думала Каталина, это только до тех пор, как двойняшки не пойдут в школу. Тогда им понадобится гораздо больше места, и они оккупируют комнату своей тети.

Войдя внутрь, Каталина прикрыла дверь, но включать свет не стала – уличные фонари достаточно освещали помещение. С печальной улыбкой и надрывным чувством ностальгии Каталина прошла мимо своего комода, заставленного фотографиями в рамках и самодельными открытками от подруг. Кровать, широкую и двуспальную, она миновала так же быстро. Целью ее было окно. Подойдя к нему, Каталина чуть повозилась со створками, но потом все же распахнула их, пуская в комнату холодные порывы ветра, которые моментально возымели отрезвляющий эффект. Широкий подоконник был излюбленным местом Каталины в школьные годы. Здесь она сидела и выглядывала возвращение с работы отца, заполняла личный дневник, созванивалась с подругами и мечтала о парнях. Вернуться бы в те времена хоть на один день.

Чуть пожившись от холода, Каталина посильнее натянула рукава толстовки, пряча в них ладони, и боком присела на подоконник. Ее комната была прямо над крыльцом, и отсюда девушка легко разглядела в мокрых следах фонаря дорожку из гравия, ведущую к ступенькам. Дождь, кажется, прекратился. Чтобы убедиться в этом, Каталина вытянула ладонь на улицу и с широко распахнутыми глазами увидела, как на ее кожу упала большая узорчатая снежинка. Снег в конце ноября был в новинку для их местности, и Каталина, как взволнованный ребенок, запрокинула голову к темному небу, откуда начали лететь пушистые белоснежные хлопья.

Ей нужно было время, чтобы побыть наедине с собой, чуть успокоиться и капельку протрезветь. Каталина не выносила разговоров, которые так или иначе затрагивали превосходство Поппи над ней. Да, может, Каталине было бы и плевать, если бы не уверенность в обратном. Безусловно, в математике Поппи была чуть сильнее ее, но по остальным предметам Каталина ничуть не отставала от сестры. А на смотре талантов Поппи заняла призовое место лишь потому, что отсосала большей части проголосовавших за нее парней. Интересно, Дерек знает об этом? Каталина в школе не особо любила выделяться, имела несколько верных подруг-сплетниц и свободное время частенько проводила в городской библиотеке, а не на вечеринках старшеклассников.

Обида на мать за ее слова постепенно выветривалась вместе с алкоголем. Каталина давно приняла факт, что Поппи – навсегда останется любимой дочкой папочки и мамочки. Приняла и даже смирилась с ним. И больно теперь бывало все реже и реже.

– Лина?

Каталина перевела глаза с улицы на дверь. В проходе высился старческий, чуть изогнутый силуэт отца.

– Папа, снег пошел, – оповестила с радостью Каталина и вновь взглянула на развернувшуюся за окном сказку.

– Неужели? – в голосе отца тоже скользнул какой-то восторг. Он медленно, шаркая тапками по полу, подошёл к подоконнику. Каталина спустила ноги на пол, чтобы отец смог сесть, возможностью чего он тут же и воспользовался. В последнее время ему очень сильно мешали жить боли в суставах ног, поэтому долго стоять не было сил.

– Действительно, снег, – сквозь седую бороду показалась улыбка. – Помнишь, Лина, когда мы ездили в горы?

– Это когда Поппи подхватила грипп, мама осталась с ней, а мы уехали на все выходные? Ещё бы не помнить. Наверное, это были лучшие выходные в моей жизни.

– Мы катались на лыжах...

– И я на второй же день так полетела, что сломала руку, – весело перебила отца Каталина и шмыгнула носом, смахивая слезу. Откуда она взялась? Что происходит? Почему Каталина плачет?

– Да, – басисто протянул мистер Гринбруст, и медленно уголки его глаз разгладились, а взгляд стал вновь потускневшим и печальным. Будто на время, на доли секунд он вновь превратился в молодого мужчину, который учил свою пятилетнюю дочь стоять на лыжах, строить замки из снега и участвовать в битвах снежками. А потом резко вернулся в эту реальность. Его морщинистая, теплая ладонь легла на щеку Каталины, и девушка посмотрела прямо на папу.

– Не обращай внимания на слова матери, – проговорил мистер Гринбруст. – Не принимай их близко к сердцу. Ни на секунду, Лина, не принимай. Наверное, старушку Энни переклинило после рождения Ника и Люси, – хмыкнул мужчина, большим пальцем утирая побывавшую слезу его дочери. – Ты – наша гордость. Ты всего всегда добивалась сама. Продолжай идти по жизни с поднятой головой, не смотри под ноги. Тебе придется перебраться и через тернии, и через океан. Но ты, моя девочка, у тебя мой характер, а это значит, что ты со всем справишься.

Каталина лишь кивнула. На сердце стало так тепло, что девушке показалось, будто она сидит не у распахнутого окна, а на горячем песке. Она судорожно выдохнула и качнулась в сторону мистера Гринбруста, обхватив его за шею и притянув к себе. Мужчина хрипло рассмеялся – по-доброму, так, как умеют смеяться только папы и только наедине со своими дочерьми.

– Спасибо, пап, – шепнула Каталина и зажмурилась, пытаясь удержать наплыв очередной сентиментальной порции слез.

– А теперь, моя Лина, спустись вниз, – с долей боевого духа проговорил Джордж, – и покажи им всем, чья ты девочка.

Каталина рассмеялась низким грудным голосом. Улыбка – самая широкая и настоящая за последние дни – была подарена отцу.

За стол Каталина села с прямой спиной и таким же прямым, уверенным и трезвым взглядом. Ее отсутствия будто и не заметили. Ник и Люси уже играли под столом, то и дело задевая свою тетю по ноге, но та за ежемесячные посиделки к этому привыкла и никак не реагировала. Позже толчки стали чуть сильнее, и Каталина подумала, что племянники делают это специально, пытаясь добиться хоть какой-то реакции. Прямо как Поппи в детстве.

– Так что ещё чуть-чуть, – Дерек многозначительно потёр ладони и привстал, чтобы наполнить бокалы дам, – и я стану заместителем генерального директора.

– Прекрасная новость, – Поппи расплылась в своей самой милой улыбке, ее тут же поддержала Энни. Джордж лишь благодушно хохотнул и пожал зятю руку.

– А что насчет тебя, Лина? – Поппи взглянула на сестру через стол. – У тебя же сегодня было собеседование?

– Да, в журнал для домохозяек, верно? – поддакнул жене Дерек, и его глаза заискрились в насмешливом прищуре.

– Мама! – завопила Люси из-под стола. – Тетя Лина не хочет с нами играть!

– Господи, Люси, оставь свою тетю в покое, – прошипела Поппи, задрав скатерть и найдя светлые глаза дочери. – Немедленно с Ником идите наверх. Неужели не слышите, что мы разговариваем.

К сожалению, дети Поппи слушались беспрекословно, и спустя минуту они, насупившиеся и сердитые, чересчур громко топали по лестнице на второй этаж. Поппи прикрыла глаза, выдохнула. Интересно, подумала Каталина, как часто за день ей приходится совладать со своими эмоциями и не сдать этих отпрысков в детский дом.

Избежать разговора не получилось. Три пары глаз: Дерека, Поппи и Энни с вопрошающим любопытством смотрели на Каталину, и только отец продолжал уделять внимание особенно жесткому куску курицы.

И Каталина пошла во все тяжкие.

– Меня взяли стажироваться в один журнал, – бодро оповестила она, тут же хватаясь за вилку и нож. – Завтра отправляют в командировку.

– Стажёр и сразу в командировку? – скептически хмыкнул Дерек, а Каталина, разделявая свою часть мяса, с раздражающим скрежетом скребанула по тарелке.

– И куда? – спросила Поппи.

– Брекенридж, Колорадо.

– Это же курорт, да? – озадаченный взгляд Энни переметнулся с Каталины на Дерека. Тот кивнул и с ярко выраженным интересом поддался вперед, сложив руки под подбородком.

– И какой журнал отправляет своего стажёра сразу на горнолыжный курорт? – усмехнулся Дерек.

Каталина сперва решила тупо промолчать и сделать вид, что не расслышала вопроса, но потом все же тихо проговорила, упрямо взглянув на мужа сестры:

– «Мистические хроники».

Повисла звенящая тишина. Даже Ник и Люси, которые наверху решили устроить погром, казалось, притихли. Энни так и застыла с вилок в пальцах на полпути ко рту. Джордж продолжал жевать свой твердый кусок мяса.

– Они же не публикуются, – первой заговорила Поппи. Ее голос оказался тих и полон сомнений и недоверия.

– В моих силах сделать все, чтобы хроники вновь вышли в печать, – искренне улыбнулась Каталина и заговорила, переполненная восторгом. – Вы же все помните «Мистические хроники», правда? Представляете, я могу их возродить.

– Потратить время и деньги, – медленно процедила Поппи, делая ударение на последнем слове, – на возрождение журнала-призрака? Да что с тобой не так? – ладони старшей сестры твердо легли на стол по обе стороны от тарелки. – Господи, Лина, сколько можно ждать манны небесной и верить в чудо?

– Может, стоит попытаться в другом месте? – вставил свое слово Дерек, тыкая вилок в воздух.

Каталина вскрикнула, как разъяренная кошка, вскочила на ноги и бросилась к вешалке с пальто.

Все, она сдалась. Продержалась сегодня почти два часа, и это едва не стало новым рекордом.

– Лина, подожди, – почему-то первым за ней поднялся Дерек. Следом уже вышагивала Поппи и родители.

Каталина сорвала пальто вместе с петелькой, накинула его и начала обуваться.

– Как всегда, – донесся до ее слуха голос Поппи, – одна единственная проблема, и ты убегашь, как трусливый заяц.

– Да, Поппи, убегая, – прошипела Каталина, застегнула сапоги и выпрямилась, глядя на свою семью, – потому что единственная проблема здесь – это ты. И я уйду, чтобы не подвергать себя соблазну врезать тебе.

Поппи судорожно вдохнула, отступила на шаг и начала обмахиваться руками. Королева драмы.

– Лина, не говори так с сестрой, – выступила вперед Энни. – Отчасти, она права.

– Отчасти, мам, мне плевать. Все, я опускаю руки. Живите, как хотите. Если ты мечтала о старости, где вместо тишины ежесекундно будет дикий топот лошадей-детей, где нужно будет стирать грязные трусы не только мужа, но и любимого зятя, то, поздравляю, ты сделала все, что

было в твоих силах, чтобы добиться этого. А ты, змея, – Каталина указала пальцем на сестру, – поимей хоть остатки своей совести и обеспечь нашим родителям спокойную жизнь, прекрати всеми вертеть, как марионетками и заставь своего мужа наконец-то перестать пропивать зарплату в барах с друзьями и начать откладывать на собственный дом.

Каталина задохнулась. Ее грудь вздымалась высоко, пытаясь восполнить нехватку кислорода.

– А я буду делать так, как считаю нужным. Я буду ошибаться, обжигаться. Но я буду учиться на этом. Именно так, насколько мне известно, становятся людьми.

Каталина схватила платок, распахнула дверь и нырнула на крыльцо, даже не подозревая, что Дерек, Поппи и Энни застыли на месте на добрые пять минут, а Джордж, гордо провозгласив «моя девочка», отправился доедать курицу.

Снег усилился, белой стеной вставая на пути Каталины, касался земли и превращался в грязную лужу. Поймав такси, девушка назвала свой адрес, и поудобнее устроилась на заднем сидении, прижавшись лбом к стеклу и наблюдая за вечерним Нью-Йорком. Он блистал в окаймлении пушистого снега неоновыми вывесками, сверкал всевозможными огнями, плевался бомжами и красовался проститутками вдоль затененных зданий. Каталина прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Каждый раз одно и то же. Она даже не удивилась особо тому, как закончился вечер. Но ее приятно удивил отец. Он поддержал, обнял, и этого было достаточно для Каталины, чтобы воспрянуть духом и вновь начать гореть, как новорожденный феникс.

Дома Каталина поскорее скинула с себя одежду, зашторила окна и приняла горячий душ. После этого, закутавшись в полотенце, она было направилась к журнальному столику, но запнулась о Люцифера и, раскинув руки в стороны, пролетела пару метров, будто решив научиться летать, и больно проскользила коленями по ковру. Наверное, кот мстил за то, что ему так и не купили еду. Чертыхаясь и проклиная Люцифера, Каталина нашла в холодильнике кусок колбасы, разрешила его на мелкие кубики и подала животному. Тот лишь благодарно махнул хвостом, принимаясь жевать старую еду.

И в этот момент Каталину осенило. Завтра она летит в Колорадо, а об этом черном чуде даже и не подумала. Накинув коротенький махровый халат, Каталина вышла из квартиры и позвонила в дверь соседки. Миссис Чейз была престарелой кошатницей, в ее квартире обитало, по меньшей мере, девять особей кошачьего рода. Не открывала старушка долго, но, зная, как медленно она передвигается, Каталина терпеливо ждала. Наконец-то в двери щелкнул замок. Объяснив ситуацию, Каталина отдала соседке ключи от своей квартиры, попросив раз в два дня заглядывать к Люциферу, дала пару купюр на корм и пообещала вернуться, максимум, через две недели. Миссис Чейз была глуховата и вряд ли все расслышала, но кивала с такой уверенностью, что у Каталины пропали все возможные сомнения на счёт такой няни для кота.

Ещё спустя полчаса билеты с Нью-Йорка до Денвера были куплены онлайн, трансфер до Брекенриджа оформлен, и Каталина обессиленно рухнула на диван, тут же погрузившись в беспокойный сон. Люцифер обошел всю квартиру, как хозяин, а позже, урча, улегся в ногах своей хозяйки, но глаз так и не сомкнул, уставившись в одну точку за компьютерным столом.

Глава III.

Утро началось не с будильника, а с тихой смски от папы. Едва разлепившимися глазами Каталина прочла: «Если кому и под силу возродить хроники, то это тебе».

Несколько строчек, но они вызвали такое приятное послевкусие, что даже хмурое небо показалось не таким серым и унылым.

До самолета было три часа. Несмотря на это, девушка в большой спешке собрала чемодан, уделив отдельное внимание теплым свитерам и брюкам, в сумку положила папку, которую ей отдал Отис, оделась во вчерашнюю одежду и отправилась в путь.

– Не грусти, – бросила на прощание Люциферу Каталина стоя уже на пороге съемной квартиры. – Миссис Чейз будет приглядывать за тобой.

Судя по взгляду кота, эта идея совсем не пришлась ему по вкусу.

За ночь снег укрыл город пуховым одеялом высотой в двенадцать дюймов. И несмотря на это достижение, идти так и не переставал. Такси, в котором Каталина направлялась в аэропорт, попало в пробку, и девушка поблагодарила всех богов за то, что решила выйти пораньше.

Правда, чуть позже все это не имело никакого значения. Уже в зоне ожидания Каталина услышала женский голос по громкой связи:

– Рейс 398, Нью-Йорк – Денвер переносится на два часа.

Вот и все настроение, нежное и настроенное на успех, мгновенно улетучилось.

С несчастным видом Каталина выглянула в большое панорамное окно. Неудивительно – снег валит так, что его только и успевают счищать. Если разыграется метель, то ей сегодня отсюда не улететь. Коротая время, девушка уселась как можно дальше от людей, закинула ногу на ногу, достала папку и открыла ее.

Она, действительно, и имела такое название: «Отель-убийца». На первой странице Каталина увидела фотографию помпезного длинного особняка. От центральной его части в стороны отходили западное и восточное крыло – они были подписаны чьим-то аккуратным, витиеватым почерком. Ниже приписка: в восточном крыле располагаются постояльцы, в западном живут владельцы – Уолтеры. Каталина перевернула страницу и наткнулась на три фотографии. На первой была изображена женщина – статная, стройная и очень усталая. Тяжёлые веки были главным украшением ее невзрачного лица. На голове – замысловатая прическа из светлых локонов.

– Элеонора Уолтер, – сама себе, едва двигая губами, прочитала Каталина. Элеонора на фотографии создавала впечатление настоящей хозяйки своего дома, но, помимо всего, во взгляде скользила жесткость и неповиновение.

На следующей фотографии был изображен худощавый мужчина в пиджаке. Он склонился над тарелкой с салатом. Черные волосы были гладко зачесаны с ровным пробором чуть левее середины головы, от широкой улыбки на лице виднелись ямочки. Если бы Каталина не прочла, что этот мистер Рональд Уолтер – муж вышеописанной Элеоноры, то сочла бы его за ее сына.

И третья фотография – полноватая, круглолицая и темноволосая девочка лет восьми-девяти. На снимке она стояла у одной из колонн, обхватив себя руками и угрюмо глядя куда-то в сторону. Темные волосы девочке явно достались от отца. Мрачный взгляд – от матери.

– Джин Уолтер, – прочитала подпись Каталина.

На следующем странице была вырезка из газеты с кричащим заголовком: «ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ».

– В отеле «Грэнд Скай», – начала тихо читать Каталина, – утром сегодняшнего дня был обнаружен труп пятидесяти пятилетнего мужчины. Причины смерти до сих пор неизвестны.

Следующая вырезка: «ОСТАНОВКА СЕРДЦА В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ».

«Спустя семь лет очередная смерть в отеле «Грэнд Скай». Причины случившегося устанавливаются. Известно, что девушка приехала на курорт одна, и является ли правомерным ее нахождение в данном месте на протяжении недели – придется решать вышестоящим органам».

«ПРОКЛЯТЫЙ ОТЕЛЬ. ОЧЕРЕДНАЯ СМЕРТЬ В ГРЭНД СКАЙ».

«Едва штат Колорадо оправился от смерти шестнадцатилетней девушки семь лет назад на одном из своих горнолыжных курортов, как это повторилось вновь. На этот раз жертвой стала тридцатилетняя женщина. Известно, что она приехала из Мексики. Остальные обстоятельства устанавливаются».

Четвертой вырезки не было, и Каталина знала, почему. Семь лет назад в отеле погибла Амелия – дочь мистера Фитцджеральда. Она вела расследование, как сейчас собиралась делать и Каталина, и сама стала жертвой злосчастного отеля вблизи Брекенриджа. Неудивительно,

что убитый горем отец прекратил издавать журнал, который послужил причиной смерти единственной дочери.

На следующих страницах в беспорядке были выполнены различные надписи тем же почерком, которым подписывались фотографии семьи Уолтеров.

«Каждые семь лет», «начало – 21 год назад». Здесь Каталина достала ручку, аккуратно перечеркнула число 21 и сверху приписала «28».

– «Тайна Элеоноры Уолтер», – прочла очередную запись Каталина и пронаблюдала рядом россыпь вопросительных знаков. Голова начала гудеть. Захлопнув папку и поместив ее обратно в сумку, девушка направилась на поиски кофейных автоматов, чтобы чуть взбодриться перед предстоящими часами ожидания.

У одного из автомата стоял мужчина. Он сделал себе кофе, потом заказал второй стаканчик. Каталина терпеливо выжидала, чуть притопывая носком сапога и разглядывая широкоплечую спину в кожаной куртке, темные, торчащие в разные стороны волосы и, стоит признать, отличный зад, который скрывали старые синие джинсы.

Наконец мужчина взял и второй стакан, и Каталина, подойдя к автомату, закинула в него мелочь, но тот с поразительной быстротой выплюнул ее обратно в специальный отсек. Каталина, чуть насупившись, повторила свою попытку. Результат был тот же.

– Серьезно? – воскликнула Каталина, заставив нескольких проходивших мимо людей обернуться на нее. – Почему все происходит, а точнее, не происходит именно со мной?

В сердцах девушка хлопнула ладонью по автомату – со стороны раздался тихий смешок. Каталина резво обернулась. Это был тот самый мужчина, что стоял в очереди перед ней.

– Позвольте вас угостить? – улыбнулся он, протягивая один из стаканов с кофе. Его улыбка была широка и обворожительна. Глаза, чуть сузившись в усмешке, казались бездонно-черными. И Каталина, взглянув в этот омут чертей, удивленно искривила бровь.

– Я думала, вы для кого-то приготовили этот стакан.

– О, нет, я лечу один, – он не переставал улыбаться. – Просто что-то внутри меня сказало, что нужно взять два стакана. Я никогда не сопротивлялся порывам своей интуиции, – лёгкий скользящий по лицу взгляд, – не стал и сейчас.

– И для чего же эта интуиция сделала вам такую подсказку? – хмыкнула Каталина, все же принимая стакан. – Спасибо.

– Наверное, чтобы познакомиться с такой очаровательной девушкой посреди зала ожидания. Меня зовут Люк. Люк Сеера.

– Каталина Гринбруст, – ответила девушка. Медленно они зашагали вдоль зала, попивая каждый свой кофе.

– У вас очень необычное имя, Каталина Гринбруст.

– У моей матери богатая фантазия, – улыбнулась девушка. Люк вновь рассмеялся – тихо, но так раскатисто, что, не иди за окнами хлопьями снег, Каталина решила бы, что где-то началась гроза.

– Дайте угадаю, – весело предложил Люк, круто развернулся и зашагал перед Каталиной спиной вперед. – Если судить по вашему настроению, ваш рейс, как и мой, задержали?

– А что не так с моим настроением? – насторожилась блондинка.

– Такие девушки, как вы, зачастую просто плещут энергией, громко смеются и сногшибательно улыбаются. Так я угадал?

– На целых два часа, – в отчаянии призналась Каталина и взмахнула руками, едва не расплескав все остатки кофе.

Люк взглянул на табло:

– В Денвер?

– Да. А мне так нужно было попасть туда вовремя, – раздосадованно Каталина осушила стакан и смяла его в кулаке, глазами отыскивая ближайшую мусорку.

Люк продолжал следить за ней с улыбкой. Затем в его глазах что-то поменялось – практически незаметно для человека, находившегося в поисках мусорного контейнера.

– Мне было очень приятно познакомиться с вами, Каталина Гринбруст, – Люк чуть склонил голову в ее сторону. – Надеюсь, наши пути еще пересекутся.

– Земля круглая, – пожала плечами Каталина, посильнее сжала стакан в кулаке и, прицелившись из-за плеча, попала в контейнер с расстояния в десять футов.

Когда она оглянулась, Люк уже исчез в толпе бегущих людей. Бегущих. Людей. Куда они несутся?

Суэта, создаваемая толпой, мгновенно завладела и Каталиной – девушка, сама того не контролируя, присоединилась к массе людей, оглядываясь по сторонам.

– Начинается посадка на рейс 398, Нью-Йорк – Денвер.

Каталина едва не подпрыгнула от радости, осознав, что это ее самолёт.

Снег, превратившийся в настоящую метель, волшебным образом прекратился. Небо оставалось серым и угнетающим, но ничего не побеспокоило пассажиров рейса 398 за все четыре с половиной часа полета. Каталина, заранее зарезервировав место в центре самолёта подальше от окон, устроилась поудобнее и за время перелета успела пересмотреть «С любовью, Розы», всплакнуть и поспать. В Денвере она довольно быстро получила свой багаж и отыскивала машину, которая должна была доставить ее в Брекенридж.

Пока все складывалось хорошо, и, казалось, что удача наконец повернулась лицом к Каталине – от вида ее задницы у девушки почти появился нервный тик.

Водителем оказался пожилой малорослый мужичок с залысинами, которые он пытался спрятать под шляпой.

– Дорогу изрядно замело, мисс, – прогнусавил водитель. – Ехать будем все три часа. Вам в какой отель? – на вопросе он пытался закинуть чемодан Каталины в багажник, поэтому вместо «отель» прозвучало «атхэль», но девушка поняла.

– «Грэнд Скай», – ответила Каталина. Мужчина хрипло рассмеялся.

– Если там еще остались места, – со смехом, больше смахивающим на скрежет и тем самым раздражающим Гринбруст, оповестил он. – Каким большим спросом пользуется этот «Грэнд Скай», а, мисс? А ведь находится в такой глухомани. До ближайшей лыжной трассы 7 миль. Добираться только на снегоходах да через весь лес. А ведь столько стоящих отелей поближе к горам.

На главную трассу выехали через пять минут. Дорога обледенела, поэтому водитель старался не демонстрировать все фишки из форсажа. Встречные машины были редки, и Каталина особо этому и не удивлялась – только от большой безысходности кто-то пустится в путь по такой погоде. Девушка с радостью бы вздремнула в пути, но мужчина скучать не давал – его рот практически не закрывался.

– Знавал я их семью. Точнее, Элеонору. Которая выскочила за этого Уолтера, только ей восемнадцать стукнуло. Отель-то сперва ее родителям принадлежал. И вот что я скажу, мисс: такой большой популярностью он тогда не пользовался. А это я могу утверждать. С Элеонорой мы в школу вместе ходили, дружили, я учил ее на лыжах кататься, так как родителям дела до неё не было – центы считали последние все время. Детьми бегали мы с ней по отелю, и почти весь он был в нашем распоряжении. В восточное крыло, нам, конечно, нельзя было заходить, но кто когда останавливал любопытных детишек? И вот что я тогда заметил: если в месяц и было два постояльца, то это уже много. А сейчас от людей отбоя нет. Говорю же, странно это все. Или Элеонора, то есть, теперь миссис Уолтер, дела ведёт получше своей мамы. Иначе как объяснить, что отель на пике своей популярности круглый год? А ведь сезон только с ноября по апрель. Большие деньги гребут эти Уолтеры. И прислуги у них много. Сомневаюсь, что старик Уолтер задницу сам себе подтирает.

– Я читала, что в отеле люди умирали, – решила закинуть удочку Каталина, плотнее кутаясь в пальто. Окна машины запотели изнутри, и девушка не могла разобрать, где они сейчас едут.

– Было дело. Ну, а где люди не умирают? Всякое случается. Помню, лет так двадцать назад также с аэропорта девчушку вез в «Грэнд Скай». На вид ей было не больше пятнадцати, но платила она наличными и платила хорошо, поэтому лишних вопросов я не задавал. Много людей я возил, но она почему-то прямо в душу запала. Вся такая молчаливая, запуганная. Чем-то вас мне напоминает – такая же кудрявая была, – мужчина рассмеялся. – И тоже, если память не подводит, ближе к Рождеству было дело. Так там, в отеле, девчонка и умерла. В газетах писали, что сердечный приступ. В ее-то возрасте. Мое мнение такого: что-то там было нечисто. Не может молодая девчонка от сердца помереть. Ну, тогда не могла. Сейчас все по-другому, сейчас молодежь гнилая. Взять в пример даже дочь Уолтеров. Говорят, она очень больна, да я и сам ее пару раз видел на ярмарке в деревне. Видок, будто душу дьяволу продала. А ведь всего пятнадцать лет девчонке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.